

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 5

22 октября 1987 года
Шведская Академия присудила
Нобелевскую премию по литературе за этот год
Иосифу Александровичу Бродскому.
Это пятая Нобелевская премия
в истории русской словесности.

Валентина Полухина Парадоксы Бродского

Парадокс психологический

Поэт, способный «бровь не хмуря» дать профессиональный ответ на любой вопрос филолога, исследующего его творчество, должен хорошо знать себе цену. Чем же объясняется тенденция Бродского прятать своего лирического героя, а то и все «творение» в самоуничижительные парафразы: «совершенный никто, человек в плаще», «я, певец дребедени, лишник мыслей, ломаных линий»; в нисходящие метафоры: «бормочущий комок слов»; заниженную метонимию: «зачем так много черного на белом»? Не прослеживается ли в подобной технике автопортрета инстинктивное желание поэта защитить себя от прочитавших буквально его парафразы из ранних стихов: «современный Орфей», «новый Дант»; от сардонического читателя вообще? Или это сам язык внушает поэту смирение и скромность?

Парадокс лингвистический

Как примирить отчаяние поэта с блистательным лингвистическим остроумием, неизменно сопровождающим этот основной сантимерт многих стихов Бродского? Не кроется ли за виртуозным сравнением лирического «я» с буквой «г» в «ого» лингвистический эквивалент «пасынка державы дикой», учитывая, что буква «г» в междометии «ого» произносится так же, как звук, которым оканчивается слово «Бог» и для которого в русском языке нет специальной буквы? Похоже, что, стремясь найти силу большую, чем сила человека, которая бы поддержала и защитила его, Бродский находит ее в языке. Поэт, настаивает Бродский, будучи орудием языка, помогает языку превзойти самого себя, усовершенствует язык, «его же, языка, средствами», вызывая этим к жизни пронзительную ноту лиризма, недостижимую в человеческих отношениях. Однако судьба лиризма в поэтике Бродского не менее парадоксальна.

Парадокс поэтики

Вынужденное путешествие Бродского на Запад сопровождалось поэтическим движением в обратном от себя направлении. Имеется в виду анти-лирическая направленность эволюции его стиха. Удлинение поэтической строки, предпочтение вольного дольника классическим размерам, грамматическое разрастание тропа, амальгама метафоры и метонимии — вот несколько без труда различимых знаков движения его поэтики к метонимическому полюсу языка. Метафорическая сущность лирики, таким образом, втягивается в конфликт-взаимодействие с метонимическими принципами прозы. Музыка стиха, которая и раньше чаще выключалась, чем включалась, вытесняется монотонной интонацией самого времени. «Я помню, когда вышла «Остановка в пустыне», и я прочел ее, еще в Союзе, я уже к тому времени понял, что это единственная и, возможно, последняя книжка, у которой более-менее лирическое содержание. К тому време-

ни лирика стала меняться в сторону неэмоциональную... Это своего рода стремление к психологическому нейтралитету, чтобы тебя не обвинили в том, что это «продиктовано чувствами» (из интервью автору заметки 10 апреля 1980). И как результат перед нами обманчиво холодная «Урания». Обманчиво, потому что чувства, сопротивляясь тирании разума, изредка вырываются из-под его контроля и прорывают поэтику «психологического нейтралитета» трагической нотой лиризма. Однако общее впечатление контраста величия стиля и аскетизма чувства остается.

Парадокс концепции

Образ человека в изгнании — физическом, политическом, экзистенциальном — черно-белой нитью проходит через написанное Бродским. Причины появления этого образа задолго до западной и до северной ссылки следует искать в философских пристрастиях поэта. Доминирующая во многих стихотворениях мысль о том, что человек существует, мыслит и чувствует и должен существовать, мыслить и чувствовать в провале над бездной, без гарантии, без защиты, без какой-либо уверенности в завтрашнем дне, несомненно, навеяна чтением Кьеркегора и Шестова. Не из того же ли источника вырываются почти мазохистские призывы поэта к небожителю?

Ну что же, рой!
Рой глубже и, как вырванное с мясом,
шей сердцу страх пред грустной порой,
пред смертным часом.
Шей бездну мук,
старайся, перебарщивай в усердии!
Но даже мысль о — как его! — бессмертии
есть мысль об одиночестве, мой друг.

Спрашивается: если человек действительно очень незащищенное существо, разве спасение в утешении этой беззащитности? Может быть, для тех, кому «отчаянье раскраивает... как доску, душу надвое, как нож», не остается ничего другого, как «вырваться из власти разумного и искать истину в том, что все привыкли считать парадоксом и абсурдом»? Склонный к парадоксам Бродский не упускает случая создать еще один парадокс. В отличие от своих учителей он считает, что только после того, как мысль додумана до ее логического конца, «доведена до абсолюта», можно кинуться в абсурд, но не слепо по Кьеркегору, а с открытыми глазами и без предубеждений. Бродский ищет ответы на «проклятые вопросы» в разуме не реже, чем в абсурде. А находит их чаще всего в Слове.

Кыл (Стаффордшир)

Этот и предыдущий фрагменты («Русская мысль» № 3697, 30 октября 1987) взяты из выходящей в 1988 году в издательстве «СУР» книги «Joseph Brodsky: A Poet for our Time».

СОДЕРЖАНИЕ

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ЗА 1987 ГОД
— ИОСИФУ БРОДСКОМУ

Валентина Полухина — Парадоксы Бродского I
Стуре Аллен — Речь на церемонии вручения
Нобелевских премий.
Перевод с английского Ирины Иловайской I-II
Клеменс Поженцкий — Увенчание несломленной России.
Перевод с польского Натальи Горбаневской II
Несколько голосов II

ПОЭЗИЯ

Виктор Кривулин — Новые стихи III
Валентин Соколов — Из литературного наследия.
Публикация Бориса Сосновского III

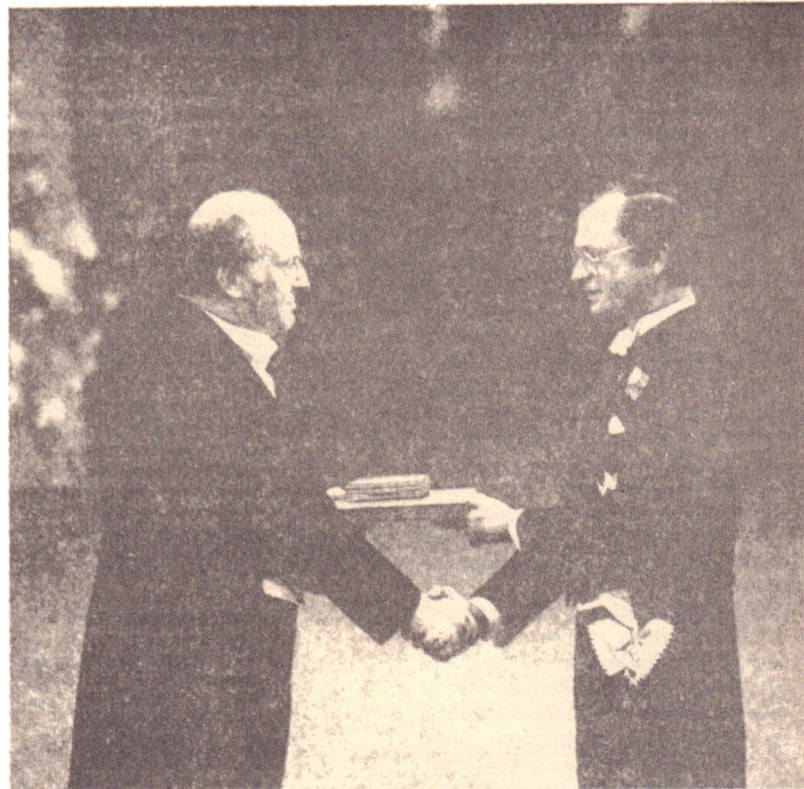
АРХИВ

Из писем Н.Заболоцкого жене из заключения
(1938-44 годы).
Подготовлено к печати В.Смирновым IV-VII
Три письма Виктора Шкловского Илье Зданевичу.
Публикация Режиса Гейро VII-VIII

КОРОТКО О КНИГАХ

Нина Берберова. Люди и ложи (Мишель Никё) VII
Александр Блок. Новые материалы и исследования.
(Сергей Дедюлин) VIII
Томас Венцлова. Неустойчивое равновесие
(Мишель Окутюрье) IV
Владимир Войнович. Москва 2042 (Людмила Вайль) VI
Леонид Добычин. Встречи с Лиз (Михаил Бараш) V

Речь постоянного секретаря Шведской Академии СТУРЕ АЛЛЕНА на церемонии вручения Нобелевских премий

Король Швеции Карл XVI Густав вручает Иосифу Бродскому
Нобелевскую премию. Стокгольм, 10 декабря 1987.

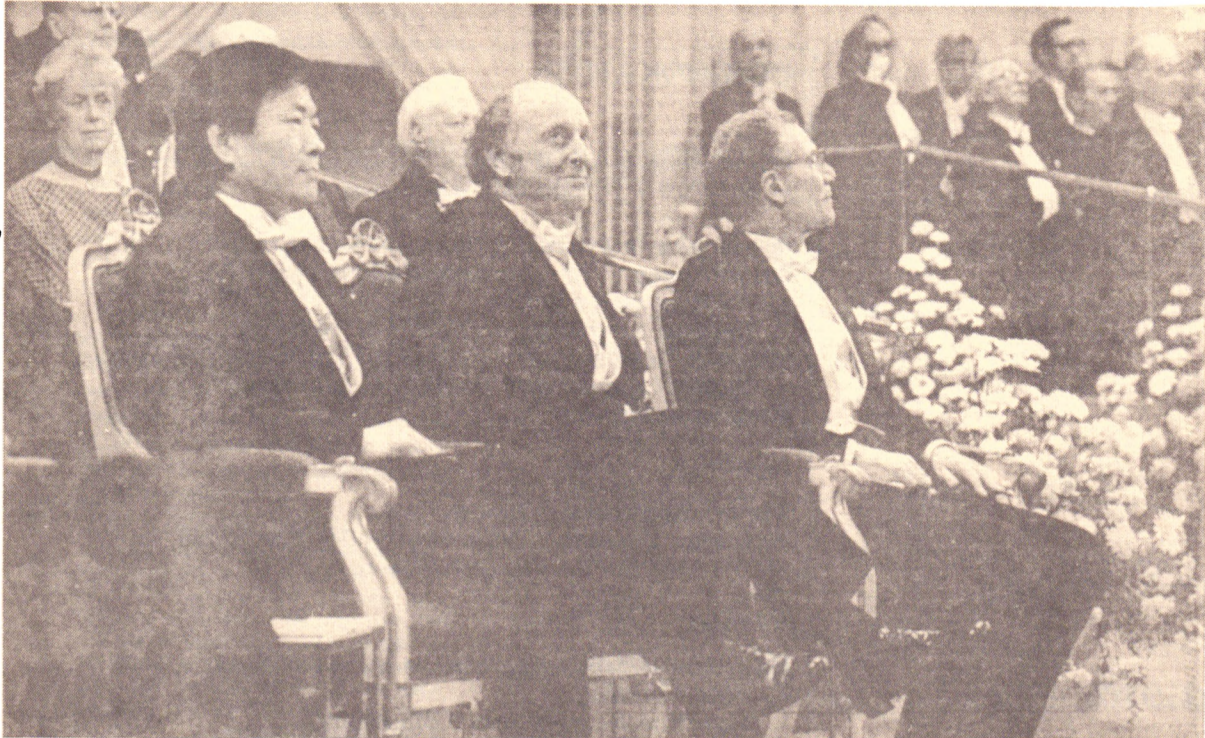
Ваши Величества, Ваши Королевские Высочества, дамы и господа!

Характерная черта нобелевского лауреата Иосифа Бродского — изумительная радость открытия. Он видит связи и сближения, точнейшим образом передает их словесно, затем видит их новые сочетания. Нередко они противоречивы и неоднозначны, часто уловлены в молниеносном прозрении, как, например: «Память — это, по-моему, замена хвоста, который мы окончательно потеряли в могучем процессе эволюции. Она управляет нашими движениями...» В его замечательных произведениях, которые Шведская Академия в этом году удостоила вниманием, тема поэзии как высшего проявления жизни является лейтмотивом. Она развита с поэтическим блеском, соединенным как с красотой мысли, так и с языковой виртуозностью.

Иосиф Бродский теперь — гражданин США, но родился он и вырос в Ленинграде, или Питере (от старого имени Петербург), как он называет свой город. В стенах этого города работали Пушкин, Гоголь и Достоевский; его архитектурные красоты, даже в том поврежденном войной виде, относятся к 1940—50-м годам, родственны существеннейшему в истории нашего мира искусству.

Иосиф Бродский принадлежит к классической школе русской поэзии, включающей такие имена, как Мандельштам, Ахматова и лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак. В то же время он искусный обновитель поэтического языка. Он находит вдохновение и на Западе, в особенности в англо-американской поэзии — от метафизика Джона

См. стр. II.

Иосиф Бродский на церемонии вручения Нобелевских премий; слева от него — лауреат премии по медицине Сусуму Тонэгава (Япония), справа — лауреат премии по экономике Роберт М. Солоу (США). Стокгольм, 10 декабря 1987.

Клеменс Поженцкий

Увенчание несломленной России

Нобелевская премия Иосифу Бродскому

(«Тыгодник Мазовше» № 225, 28 октября 1987)

Комитет, присуждающий Нобелевские премии по литературе, может ошибаться, но критерий оценки, которым он пользуется, сомнений не возбуждает. Эта премия — знак благодарности за расширение знаний о судьбе и предназначении человека. В 1987 году Нобелевский комитет не ошибся: Иосиф Бродский внес в культуру мира новый тон и особую мудрость.

Мудрость, заключенная в поэзии и эссеистике Бродского, могла быть порождена только русским языком. Это действительно необычайный язык, и Бродский знает, каким орудием он располагает. Всякий, кто выучил русский язык настолько, что начинает на нем думать, знает, что он позволяет познать такие оттенки вещей, которых на другом языке ни уловить, ни выразить. В одном из интервью Бродский сказал, что в лоне русского языка возникнут еще такие истины, которые всех поразят. Поэтому он верит, что Россия по-прежнему остается страной великих возможностей и, независимо от того, на какой уровень там низведена культура и до какого уровня пала интеллигенция, раньше или позже эта страна начнет говорить миру слова глубоко человеческие, необычайные и необходимые.

Главная тема творчества Бродского — зло. Поскольку он писатель глубоко религиозный и исторические события воспринимает в метафизических категориях, он, в согласии с традицией православия, рассматривает зло как отсутствие, пустоту, некий минус или ноль. Агрессивность зла в его глазах — агрессивность уничтожения. Это подтвердила история России. Медный Всадник, знаменитый памятник Петру I, царю, который придал Российской Империи окончательную форму и кодифицировал ее принципы, ожил в поэме Пушкина лишь затем, чтобы затравить страхом, довести до безумия и в конце концов убить самого обычного русского человека. Гоголевские мертвые души уничтожили живую жизнь России. Зло в состоянии только разрушать и создавать пустоту. Оно ничего не строит и ничего не творит — оно только всё портит и само существование превращает в мнимое.

Бродский не любит дешевых утешений: ни в виде отчаянной веры в доброго человека, ни в виде отчаянного цепляния за надежду. Всё, что зло вытворяет у него на родине, — по его мнению, лишь монструозно преувеличенный знак то-

го, что происходит во всем мире в нашем дегенерировавшем XX веке. Духовную жизнь и литературу XIX века еще определяло противопоставление добра и зла. Нашу эпоху определяет уже только зло, противопоставленное еще большему злу. Ложь, мнимость и пустота окружили человека и стали обычными, повседневными, вездесущими. Тиран выходит из поезда на Финляндском вокзале в Петрограде в то время, когда ось мира меняет свой наклон, но тиран любит и съест пирожное в кондитерской. Великое Ничто бывает охвачено «типично мелкобуржуазной монотональной жадностью власти» или расстреливает людей в подвалах, но может и лгать в газете за трехгрошовую плату.

Этого поэта и этого эссеиста сотворил безжалостный Бог, который решил показать людям крайние последствия зла. Все творчество Бродского — огромная поэма о трудах ничтожного Нуля в государственных праздниках, на рабочем месте, за письменным столом всякого рядового человека. В его доме, в его семье, в его мыслях. По обе стороны стола в следователь-

ском кабинете. Теперь и когда-то. В Карфагене и в России.

В лице поэта Иосифа Бродского увенчана Россия, прошедшая испытания, не сломленная в своей человечности и великая в своем гневе на собственную страну. Томас Манн, оказавшись в изгнании, сказал, что немецкая литература отныне будет находиться там, где будет писать он, автор «Волшебной горы». Русская литература находится отныне там, где пишет Иосиф Бродский. Ибо великий поэт говорит не из дома и не из города, но из языка. Его родина — язык, и когда он пишет — он на родине. За изгнание платишь отчаянием, и достаточно прочитать эссе «Полторы комнаты», чтобы в этом убедиться. Но в изгнании рождается и драгоценная мудрость, которая так необходима обезумевшему миру.

Перевод с польского
НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ

Публикуемая статья является частью полосы, посвященной Бродскому в этом номере подпольного варшавского журнала. Кроме нее, там напечатан биографический очерк «Иосиф Бродский. Жизнь поэта» и стихотворение «Одному тирану» в переводе Ст. Бараньчака.

Речь постоянного секретаря Шведской Академии СТУРЕ АЛЛЕНА на церемонии вручения Нобелевских премий

Начало
см. стр. 1.

Донна до Роберта Фроста и Уистена Одена.

В последнее время Бродский стал писать и по-английски. Для него русский и английский языки — два мировосприятия. Владеть обоими — все равно что сидеть на вершине экзистенциального холма, откуда открывается вид на два склона, на две тенденции развития человечества, как он говорит. Двойные, западно-восточные истоки дали ему необычайное тематическое богатство и множественность перспектив. Вместе с глубоким проникновением поэта в культуру прежних эпох они породили у него широкое историческое зрение.

Бродский по опыту знает, что значит — жить: «...Жизнь, которой, / как дареной вещи, не смотрят в

пасть, / обнажает зубы при каждой встечке».

Через все испытания: суд, ссылку — он сохранил свою цельность и веру в литературу и язык. Он говорит, что существуют критерии человеческого поведения, идущие не от общества, а от литературы.

Поэт играет ключевую роль как экзаменатор и испытатель, как тот, кто ставит вопросы. Поэзия превращается в решающий противовес времени, т.е. принципу деформации. Поэт равно становится глашатаям в умопомрачительном молчании тоталитарного и в информационном наводнении открытого общества.

Хотя Бродский четко определил свои позиции, политические споры для него не первостепенны. Проблема поднята на куда более общий уровень: долг человека — прожить свою собственную жизнь, а не жизнь, определяемую чьими-то категориями или нормами: «...Свобода

НЕСКОЛЬКО ГОЛОСОВ

Бродский возвращает поэзии ее принадлежность литературе как таковой, ее цеховое достоинство, ее привилегированное гражданство. Представление, по которому поэт — существо не от мира сего и возводящее очи горе, так же чудно ему, как и представление, по которому поэт занят исключительно тем, чтобы нанести удары по действительности. Если между мнимыми про и contra он чаще на стороне contra, то потому главным образом, что contra намного интереснее. Так, сшибающий по редакциям куски, представитель «пятого сословия» Иосиф Бродский проповедует ту же идею, тот же взгляд на поэзию, что и екатерининский вельможа, хлебосольный барин Гаврила Романович Державин.

Н.Н. «Заметки для памяти», 1968

Знаменитое высказывание Мандельштама, смысл которого в том, что в России деятельность поэта приобретает трагическую значительность в силу исторического масштаба конфронтации с тиранией, оказалось пророческим в отношении Бродского. Когда ленинградские чиновники и активисты решили увеличить свой политический капитал расправой с «ненормальным» молодым поэтом, они не представляли себе, что размер дарования и мужество намеченной жертвы превратят заурядную в их практике расправу в символическую схватку Тьмы и Света. Когда судья Савельева задавала Бродскому вполне резонный для советского бюрократа вопрос: «Кто вам сказал, что вы поэт?» — она и не догадывалась, что подает реплику в мистерии, где ей отведена незавидная роль, ибо Бродский ответил: «Я думаю, что это от Бога». Его вполне естественный ответ, по неумолимым законам мифотворчества определил, от лица кого выступают его гонители.

Лев Лосев. «Бродский: от мифа к поэту», 1986

В толпе, хоронившей Ахматову, был еще один по-настоящему осиротевший человек — Иосиф Бродский. Среди друзей «последнего призыва», скрасивших последние годы Ахматовой, он глубже, честнее и бескорыстнее всех относился к ней. Я думаю, что Ахматова переоценила его, как поэта, — ей до ужаса хотелось, чтобы ниточка поэтической традиции не прервалась. Вдруг она вообразила, что снова, как в молодости, окружена поэтами, и опять завораивается то самое, что было в десятых годах. Ей даже мерещилось, что все в нее влюблены, то есть вернулась болезнь ее молодости. В старости, как я убедилась, люди действительно обретают черты, свойственные им в молодые годы (не потому ли, что ослабевает самоконтроль?). Со мной этого, как будто, еще не произошло. И все же прекрасно, что нашлись мальчишки, искренно любившие безумную, неистовую и блистательную старуху, все зрелые годы прожившую среди чужого племени в чудовищном одиночестве, а на старости обретшую круг друзей, лучшим из которых был Бродский.

Надежда Мандельштам. «Вторая книга», 1972

Я не верю в политические движения, я верю в личные движения, в движения души — когда человек смотрит на самого себя и устыжается так, что производит какое-то изменение — внутри себя, не вовне.

Иосиф Бродский, 1971

Поэт наживает себе неприятности в силу своего лингвистического и, стало быть, психологического превосходства, а не по политическим причинам. Песнь есть форма лингвистического неповиновения, и ее звуки ставят под сомнение не только политическую систему, но все существующий порядок вещей.

Иосиф Бродский, 1977

Знай, что белое мясо, плоть,
искренний звук, разгон
мысли ничто не повторит — хоть
наплоди легион.

Но, как звезда через тыщу лет,
ненужная никому,
что не так исходит свет,
как поглощает тьму,

следуя дальше, чем тело, взгляд
глаз, уходя вперед,
станет назад посылать подряд
всё, что в себя вберет.

Иосиф Бродский. «Полдень в комнате»

/ это когда забываешь отчество у тирана».

Что естественнее для писателя, чем вступать в схватку с языковой стихией? У Бродского борьба с собственным орудием особенно интенсивна. Из нее рождается понимание поэзии и поэта: «Чтение (Достоевского) попросту заставляет осознать, что поток сознания вытекает не из сознания, но из мира, который меняет либо сознание, либо его направление». Бродский утверждает, что в конечном итоге всё решает «всепожирающая сила языка, который может дойти до того, что уже не удовольствуется ни Богом, ни человеком, ни реальностью, ни виной, ни бесконечностью, ни спасением и принимается пожирать самого себя».

Взгляд Бродского на язык определяет и его взгляд на государство и общество: «Империи держатся не политической или военной силой, но языком. Империи — в первую очередь, культурные формации; и все дело в языке, а не в легионах».

Конечно, язык поставляет материал для метафор в поэзии: «Поздний вечер в Литве. / Из костелов бредут, хороня запятые / свечек в скобках ладоней».

Для Бродского поэзия выделяется как божественный дар. Религиозное измерение, отчетливо присутствующее в его произведениях, не входит в рамки какого бы то ни было вероисповедания. Для него важны метафизические и этические вопросы, а не та или иная доктрина.

В богато оркестрованной поэзии Бродского стиль и настроение переключаются. Так, в стихотворении «История XX века» (написанном по-английски. — Ред.) глубокий анализ культуры идет бок о бок с залихватской иронией. Но поэзия Бродского безоговорочно честна и тогда, когда насмешлива.

Для меня было честью и радостью представить вас, Иосиф Бродский, публике на моем родном языке. Смысл всего сказанного мной, пожалуй, сосредоточен в одной строке одного из ваших последних стихотворений: «Позволь сказать тебе: с тобою всё в порядке». В самом деле, вы сами принадлежите к той истории XX века, о которой идет речь.

Перевод с английского
ИРИНЫ ИЛОВАЙСКОЙ

Речь была прочитана по-шведски. Перевод сделан с официального английского текста, рзданного журналистам.

Ты прав: куда оно теперь
одно глухое недовольство?
Была эстетика потерь.
Цвели утраченные свойства.
Пылал огнем минималистский бог
огнем бескачественным, темным...

Как почву пробует сапог
расквашенную (да пройдем ли? —
и не проходит, и увяз
во хлябях первозданной глины...)
Ты прав: она творила нас —
но ради полой сердцевины!

Деревья, утопшие в сером снегу,
и две одиноких вороны.
Идея России — насколько могу
проникнуть сознанием за ровный,
открытый, казалось бы, даже врагу
остриженный холм уголовный —
идея России не где-то в мозгу,
не в области некой духовной,
а здесь, на виду, в неоглядной глуши,
в опасном соседстве с душою,
не ведающей — где границы души,
где собственное, где чужое...

Где с интуристами трогался красный «Икарус»,
и крутилась фарца, и по-царски ветшал Петроград —
вот уж не чаял увидеть высокую ярость
экологических львят.
Рваная площадь похожа на сорванный парус.
Облаками пронизанный, взорванный, бывший фасад...
Наши слова, населенные множеством пауз,
здесь, на ветру, не звучат.

Там, наверху, завязались иные пространства.
Не успеваю следить: изменяется внутренний строй
речи, и та, что я слышу — прекрасна!
Жаль — не моя. Но и я уже больше не свой.

Виктор Кривулин

Н О В Ы Е С Т И Х И

Здесь пыльный сад похож на документы,
скрепленные печатью. И в саду
печально так... Я выйду. Я пройду
вдоль перержавленной ограды:
в каком-то пятилеточном году
перенесенная зачем-то
от Зимнего дворца в рабочую слободу,
из Петербурга в сердце Ленинграда,
она дошла до степени такой
убожества и запустенья,
что рядом с нею воздух заводской —
как мимолетное виденье,
как гений чистой красоты...

Бренные дома замученного цвета.
Слева пустыри, бетон, задворки автобаз —
даже сладко-пасмурное лето
в человечности не уличает вас!
Да и люди здесь, как письма без ответа,
будто чем-то виноваты,
вечерами возвращаются с работы.
Вековечный транспорт. Голос монотонный,
выкликающий поштучно, поименно
эти самые народные пенаты:
Оборонная, Зенитчиков, Портновой...
Край земли не за морем, не где-то.
Вот он, край земли — у каждой остановки.
Выйти — все равно что умереть.
В точку на листе миллиметровки,
в точку (не приблизить, но и не стереть),
обратиться в точку, выйдя из трамвая,
в собственной тени бесследно исчезаая...

Брошенные в траву
оранжевые велосипеды —
будто выросли наперекор естеству
из мичуринской почвы и свежей газеты
лучезарные срезы плодов
просвящения и прогресса
осенью, перед лицом холодов,
среди останков дачного лета,
где разбросаны корпуса
общежитий — и кооперативные башни
высоко уходят — за поворот колеса,
а там за шоссе, в заворяжье...
Город, конечно, растет,
и становятся все неуютней
островки природы, в естественный круговорот
заклученные. Русское слово «спутник»
приложимо к чему угодно, даже ко мне,
когда я гляжу в окно и вижу
оранжевые круги. Велосипедист лежит на спине
в порыжелой траве, совершенно рыжий.
Тяжелое солнце прокатывается по нему...
Только вчера из лагеря. Завтра школа —
низкое здание, похожее на тюрьму,
за деревьями. Жалко, мешает штора
увидеть — какая откроется за углом
новая перспектива:
дом, наверное... что еще?... только дом...
Чудо — если нечистый клочок залива.

Боль без утolenия. Вкус безумной соды.
Металлисты, панки, любера...
Спертым воздухом свободы
как дышать, когда еще вчера
было так просторно, пусто и знакомо:
что ни слово — гулкий вестибюль,
и волна похмельного синдрома
на лице вахтера... Гули, гули, гуль,
голубиные нахохленные годы!
Вечно — то с мороза, то с дождя.
У дверей. На лестнице. Где-то возле входа —
не переступая. Не входя.

Почти что все разрешено.
Цветение журнальных лилий,
напоминает мне оно
иные дни — когда раскрыли
мифологемное окно,
и луг, освободясь от стекол,
дохнул болотом и осотом,
вошел — и сделался одно
со мной... Сograждане, я с вами
под голубыми небесами,
а прочее не все ль равно!

Политика прекрасна, как «Даная»,
облитая соляной кислотой,
когда уже ни Саския нагая,
ни бог языческий, солярный, золотой —
ничто не ярко в сумерках желаний,
но смотрится одним слепым пятном
лысеющее небо на экране
с любовью ко всему, чем больше не живем.

В любой щели поет Гребенщиков.
Высоцкий дожил до большой печати.
Дыханье смерти, и в ДК Пищевиков
новорожденный Хармс въезжает на осли...
Вокруг не Ленинград — Ерусалим,
хлопочущий над воссозданием Храма
из недоуничтоженных руин,
где торжествующая яма
прикинется то бездною без дна,
то рукотворным Эверестом...
Но плоский тот пейзаж, каким заражена
душа, как будто связанная с местом, —
он, может быть, единственное здесь,
что не меняется и неуничтожимо,
хоть землю рой, хоть лозунгом завесь
чертеж небесного Ерусалима!
Я знаю: мы давно уже не там,
живем, где значимся, где штампу сообразно
расставлены судьбою по углам,
где знают нас и очно и заглазно...

Ленинград, 1987

Подробнее о Валентине З/К (Валентин Петрович Соколов, 1927-1985) см. в заметке Эдуарда Кузнецова, напечатанной вместе с подборкой стихов Валентина З/К в журнале «Континент» (№ 41, 1984, с. 7-13).

Стихи Виктора Кривулина, известного ленинградского поэта, взяты из самиздатского журнала «Меркурий» (№ 5, 1987).

Валентин Соколов

Из литературного наследия

Вместо предисловия

С поэтом Валентином Соколовым (Валентином З/К) я был хорошо знаком по мордовским лагерям 60-х годов.

В последний период его жизни, когда он был заточен в Черняховскую спецпсихбольницу, а я жил в Ярославле, нам удавалось обмениваться записочками. Я также посылал ему регулярно небольшие суммы денег, папиросы и т.д. Года три тому назад связь эта оборвалась.

Врачи СПб утверждали, что готовы-де выпустить В.Соколова на свободу, но — некуда: родственников у него не было.

Не так давно, перед выездом из СССР, я получил письмо от одного бывшего узника Черняховской СПб, тоже поэта. Он сообщал, что вывез из психушки стихи В.Соколова, написанные там, и приложил к своему письму несколько стихотворений.

Он писал также, что в последнее время перед смертью у В.Соколова наблюдались, по его мнению, психические отклонения. Но он не знает, отчего умер В.Соколов, так как в это время они сидели в разных отделениях. Он не знает точной даты смерти В.Соколова, но говорит, что это было «либо 1 мая, либо 7 ноября» 1985 года.

БОРИС СОСНОВСКИЙ

Ярославль—Вена

В о с к р е с е н и е

А крышка гроба поднялась
И отодвинулась так плавно.
Была чарующая власть —
Земля в лучах зеленых плавала.
А крышка гроба поднялась.

Сползли веревки словно змеи...
Его измученная плоть
Мерцала вся... земля мерцала...
Пещеру покидал Господь.

Велением Святого Духа
Был камень выброшен, как мяч,
От входа... Сердце билось глухо,
Мерцали свечи. Тихо-тихо
По всей земле струился плач.

Ученики Его и Мама
Стояли, руки распластав
Ему навстречу. Купол храма,
Земле преподанный устав,
Несла ликующая плоть —
Пещеру покидал Господь...

Он нес навстречу Иегове —
Отцу — сыновнее лицо,
Рожденное в любви и слове,
Отцу — сыновнее лицо,
Прекрасное и в пятнах крови.

И он лечил в Его объятьях
Святую боль от крестных мук.
А на земле — цветы на платье.
И мягче лился каждый звук,
И глуше слышались проклятья.

Потом Он на землю сошел,
Явился бедному народу —
Отдать духовную свободу
Пустыням городов и сел.

Пуста та страшная пещера...
Но хороша та пустота,
В которой теплым хлебом — вера,
В которой теплым хлебом — вера
Стоит у сердца и у рта.

[Черняховская СПб,
не позднее 1982 года]

тет с каждым днем, приходится требовать два пива и, хлебнув за столом Белого, бежать хлебнуть за столом Эренбурга, обратно и опять...» (там же).

Все-таки подтрунивание над Шкловским оказывается относительно более мягким, чем над другими заведомо берлинскими кафе. Как бы то ни было, отношения между Ильяэдом и Шкловским совсем не ухудшились после поездки заумника в Берлин (Шкловский делает важное упоминание о Зданевиче в самом конце своей книги «Зоо, или Письма не о любви» (Берлин, 1923), в Письме 29-м. В дальнейших переизданиях книги в СССР это письмо получило номер 30-й, а весь фрагмент о Зданевиче был купирован).

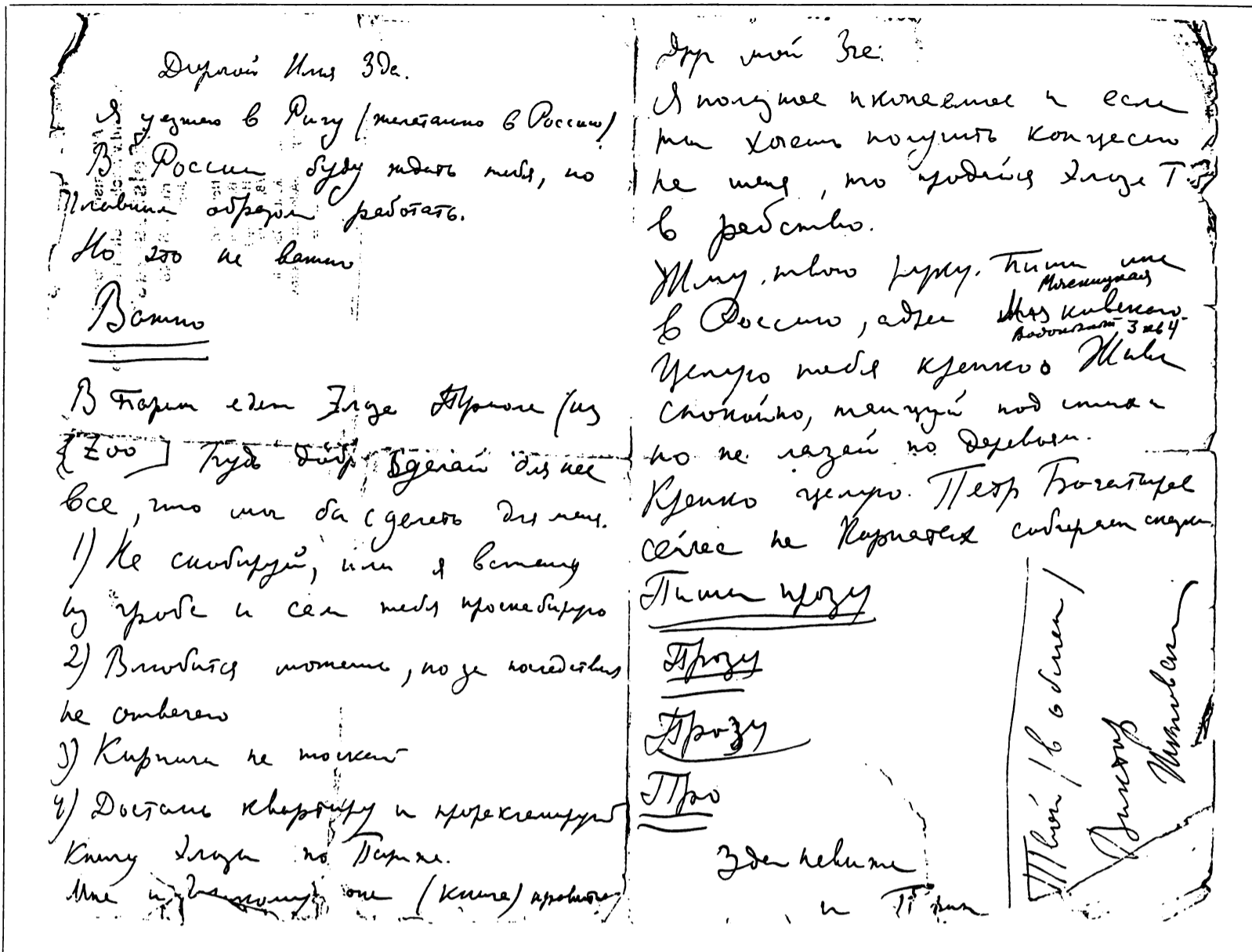
Об этом свидетельствует второе письмо, посланное Шкловским Ильяэду накануне отъезда из Германии. Это письмо представляет особый исторический интерес, так как Шкловский поручает вниманию Ильяэда молодую Эльзу Триоле. Ссылка Шкловского на положительное мнение Горького о Триоле, вероятно, не возбуждало чрезмерного интереса у Ильяэда, но все-таки он выполнил поручение и даже некоторое время был дружен с Триоле. В парижском архиве И.М.Зданевича хранятся несколько ее писем. Между прочим, именно Ильяэд познакомил Триоле с бывшими дадаистами, среди которых был и поэт Луи Арагон... Однако вскоре Ильяэд прервал свои отношения с Триоле и Арагоном. Интересно заметить, что в этом письме Шкловский больше не обращается к Ильяэду на «вы», а переходит на «ты». После Берлина (по крайней мере со стороны Шкловского), несмотря на различия во взглядах, никаких взаимных выпадов больше не встречается.

Тон третьего письма уже иной. После дружбы — возникает уважение. Шкловский высказывает весьма положительное суждение о типографическом искусстве Ильяэда и вообще, так сказать, о его новаторской миссии, о его свободной и полностью освобожденной от всего материального, что так ослабляет искусство, творческой силе. Звучит нечто вроде признания справедливости критики Ильяэда по адресу вездесущей халтуры. Это письмо представляет собой одно из редчайших суждений современника о типографической революции, которую совершила книга Ильяэда «ЛидантьЮ фАрам». Другое блестящее ее толкование дает поэт-дадаист Ж.Рибемон-Десень в своем введении к этой книге.

Как будто, Шкловский написал третье письмо как ответ на просьбу Ильяэда, который хотел получить от него вступительный текст к будущему изданию своих заумных сочинений: план такого проекта сохранился в его архиве и датируется как раз концом 1923 года. Эту аттестацию формализма Шкловский не мог послать ранее, раз «ЛидантьЮ фАрам» была издана в октябре 1923 года. Ильяэд послал некоторое количество экземпляров своей книги как в Москву — Кручных, Брику и др., так и в Ленинград — художнице Ольге Лешковой, Вере Ермолаевой и др. Книги «произвели (...) фурор и сенсацию», — писала Ильяэду О.Лешкова в апреле 1924 года (там же). Эта книга стала последним и — если повторить слова Марцио Марцадуре — «быть может, самым великим созданием „4101“» (статья о А.Е.Кручных, в печати), а также последним творением и даже вершиной дадаизма, в который по замыслу Ильяэда должна была внести свежую кровь его группа «Через». Но именно «Через» оказался устройством знаменитого несчастного вечера «Бородатого сердца» (6 июля 1923), который, напротив, ускорила закат французского дадаизма (см. также нашу статью «Ильяэд и его выставка в Нью-Йорке». — «Русская мысль», № 3686, 14 августа 1987).

Разочарованно и горько обращается сам Ильяэд к своему шедевру «ЛидантьЮ фАрам»: «Эта книга представляет собой венок на могиле моего покойного друга (то есть Ле-Дантю, которому книга была посвящена. — Р.Г.), венок на всем, что дало нам жить в течение десяти лет (...). Совершенное искусство умерло» (неопубликованный текст, 1923; хранится в парижском архиве И.М.Зданевича). Да, целая эпоха закончилась. Ильяэд и Шкловский больше никогда не состояли в переписке.

РЕЖИС ГЕЙРО

Письмо 2-е (1923).

Письмо 1.

Илья Зданевич

Посланица сего письма и обладательница ресниц образца

есть 23-летняя Елена Феррари¹. Будьте честным всёком² и покажите ей всё в Париже. Что же касается Вас то приезжайте в Берлин на чтение лекций. Мы их устроим и кровать для Вас в Берлине найдется.

Прожиточный минимум здесь 10 долларов (в месяц!). Но их ни у кого нет, а мы живем. Не тоскуйте и не скучайте, всего хорошего. Пишите длинные книги³.

Ваш Виктор Шкловский 7-8 ноября день 300 дома Романовых. 1922 год.

Мой адрес Berlin W Nollendorfstrasse 22, Pension Walddorf.

¹ Елена Феррари — псевдоним русской поэтессы, сведениями о которой мы не располагаем.

² О «всёчестве» см. вступительную заметку.

³ Ср. инвективы Ильяэда в докладе «Берлин и его халтура» (см. вступительную заметку).

Письмо 2.

[1923]

Дорогой Илья Зда.

Я уезжаю в Ригу (желательно в Россию). В России буду ждать тебя, но главным образом работать. Но это не важно.

Важно

В Париж едет Эльза Триоле (из Zoo)¹. Будь добр, сделай для нее все, что мог бы сделать для меня.

1) Не снобируй, или я встану из гроба и сам тебя проснобирую
2) Влюбиться можешь, но за последствия не отвечаю
3) Кирпича не тоскай²
4) Достань квартиру и прорекламируй книгу Эльзы³ по Парижу
Мне и Горькому она (книга) нравится.

¹ Книга В.Шкловского «Зоо, или Письма не о любви» была посвящена Эльзе Триоле.

² Так в оригинале.

³ Первая книга Эльзы Триоле вышла в свет в 1925 году («На Таити»). Возможно, впрочем, что подразумевается книга самого В.Шкловского («Зоо...») — см. прим.1.

⁴ Адресат иногда именовал себя таким образом.

Друг мой Зга⁴.

Я полезное ископаемое и если ты хочешь получить концессию на меня, то продайся Эльзе Т. в рабство.

Жму твою руку. Пиши мне в Россию, адрес Маяковского, Мясницкая Водопьяный 3 кв. 4.

Целую тебя крепко. Живи спокойно, танцуй под стихи но не лазай по деревьям.

Крепко целую. Петр Богатырев⁵ сейчас на Карпатах собирает сказки.

Пиши прозу⁶
Прозу
Прозу
Про

Зданевича
и Париж.

Твой (в обмен)
Виктор
Шкловский

⁵ Петр Григорьевич Богатырев (1893-1971) — фольклорист и этнограф, один из основателей Московского лингвистического кружка. Близкий друг В.Шкловского. В 1921-40 годах жил в Праге.

⁶ Вспомнил ли Ильяэд отзыв В.Шкловского, когда начал в 1926 году писать романы? Кажется, что это «Пиши прозу» — саркастическая аллюзия на критику литературного русского Берлина со стороны Ильяэда.

Письмо 3.

[1923]

Илья Зданевич. Ваше письмо пришло в воскресенье отвечаю во вторник.

В каждую эпоху есть люди находящиеся на острие лезвия искусства.

Это ударный отряд исследователей. Личная судьба их была печальная, если бы они не были сами веселыми.

Илья Зданевич обратил все свое огромное дарование в художественный эксперимент. Это писатель для писателей. Ему удалось выразить звуко-

вую и звукопроизносительную сторону слова. Но Заумь Зданевича это не просто использование бессмысленного слова. Зданевич умеет возбуждать своими бессмысленными словами ореолы смыслов, бессмысленное слово раздает смыслы.

Типографская сторона в произведениях Зданевича одно из любопытнейших достижений в современном искусстве. Зданевич пользуется набором, не как средством передать слово, а как художественным материалом. Каждому писателю известно, что почерк вызывает определенные эмоции. В египетских папирусах

писец заканчивая рукопись пишет заклятие на читателя громадными и по моему веселыми буквами. Зданевич возвращает набору выразительность почерка и красоту каллиграфически написанного Корана. Зрительная сторона страницы дает свои эмоции которые вступая в связь с смысловыми рождют новые формы.

Если в искусстве не быть Пушкиным Расином или Гете, то стоит быть только Зданевичем.

Я же хочу быть другом Зданевича.

Виктор Шкловский

КОРОТКО О КНИГАХ

Александр Блок. Новые материалы и исследования. «Литературное наследство», том 92, книга 4-я. Москва, «Наука», 1987, 784 стр.

Уже более семи лет продолжается замечательное научное издание, которое формально посвящено изучению биографии и творчества Александра Блока, но по сути дела представляет собой высочайшего качества энциклопедию, охватывающую различные стороны русской культуры начала XX века.

Книга состоит из трех разделов. В первом из них — «Блок и русские писатели, традиции, влияния, общения» — встречается немало громких имен, начиная с Толстого, Достоевского, Чехова. Но отнюдь не менее интересны, скорее наоборот, исследования, связанные с малоизвестными писателями. Так, заслуживают внимания материалы о Иване Коневском, подготовленные к печати В.Я.Мордерер и А.Е.Парнисом. Весьма богат второй раздел — «Из неизданной переписки Блока». О высокоом качестве публикаций свидетельствуют сами имена ученых, подготовивших материалы о связях поэта с Г.И.Чулковым, Н.Е.Полярковым, М.Волошиным, Анной Ахматовой и др., — А.В.Лавров, Н.В.Котрелев, Р.Д.Тименчик... Небольшие, но весьма ценные публикации помещены и в третьем разделе «Разыскания и сообщения».

Многие из материалов книги требуют отдельного и обстоятельного обсуждения. Но наша заметка по своему жанру преследует всего лишь информационную цель. Отметим еще один момент.

92-й том намечался первоначально в 4-х книгах. Но на титульном листе 4-й книги появились извещение, что их будет пять. Объявленная заранее структура, тем самым, несколько меняется, но в данном случае это послужит лишь к обогащению издания. Совсем иное наблюдение в первых книгах, когда по отнюдь не научным, но по полицейским причинам под нож шли набранные материалы. На страницах «Русской мысли» не раз помещалась информация о злключениях подготовленной К.М.Азадовским ценнейшей публикации 44-х писем Н.А.Клюева к Блоку. Теперь, в 4-й книге, после 6-летней задержки, когда жестокие испытания для публикатора, авторитетного и эрудированного ученого, отошли в прошлое, эта 100-страничная работа стала, наконец, доступной для исследователей.

СЕРГЕЙ ДЕДУЛИН